

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 1(091)
doi: 10.17223/15617793/478/5

Ф.М. Достоевский в позднем творчестве М.М. Бахтина

Владимир Станиславович Маковцев^{1, 2, 3}

¹ Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова Минздрава России, Москва, Россия

² Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова, Москва, Россия

³ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

^{1, 2, 3} vl.makovtsev@gmail.com

Аннотация. Намечена концептуализация позднего творчества М.М. Бахтина, существенным моментом которого является определенное отношение русского философа к творчеству Ф.М. Достоевского и к литературе как особой части культуры. Философия М.М. Бахтина понимается как философия литературы, граничащая с философской антропологией. Используя в качестве материала работы Бахтина, а также ряд исследований, посвященных творчеству русского философа, намечается реконструкция онтологического основания художественной литературы, в центре которого лежит понятие гротеска, разработанное Бахтиным в книге, посвященной Ф. Рабле.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, Ф.М. Достоевский, русская философия, диалог, карнавал, гротеск

Для цитирования: Маковцев В.С. Ф.М. Достоевский в позднем творчестве М.М. Бахтина // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 44–49. doi: 10.17223/15617793/478/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/5

Fyodor Dostoevsky in the late works of Mikhail Bakhtin

Vladimir S. Makovtsev^{1, 2, 3}

¹ Sechenov University, Moscow, Russian Federation

² Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russian Federation

³ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

^{1, 2, 3} vl.makovtsev@gmail.com

Abstract. The author aims to outline the conceptualization of Mikhail Bakhtin's late works. Their essential moment is Bakhtin's specific attitude to works by Fyodor Dostoevsky and to literature as a special part of culture. In this connection, the author understands Bakhtin's philosophy as a philosophy of literature bordering on philosophical anthropology. In the article, using Bakhtin's writings, as well as a number of studies on his works, as material, the author intends to reconstruct the ontological basis of fiction, in the center of which lies the concept of grotesque Bakhtin developed in his book dedicated to François Rabelais. Despite the huge amount of literature on Bakhtin's oeuvre, there are no studies on his later works as a separate research space. This applies both to the corpus of texts, since part of the Bakhtin archive has not yet been published and lies in the manuscripts department of the Russian State Library, and to attempts to show the philosophical significance of Bakhtin's late writings by conceptualizing them and bringing them together into a separate intellectual phenomenon. The article attempts to analyze Bakhtin's later works through the prism of his attitude to Dostoevsky's works. The name of Bakhtin is not just associated with the name of Dostoevsky. The Russian philosopher revealed the ontology of Dostoevsky's works, and, since for Bakhtin Dostoevsky's works are the pinnacle of the development of literature, through Dostoevsky's works Bakhtin unfolds literature in its highest manifestation for us. The author substantiates the thesis that the understanding of Bakhtin's late works is based on the ontologization of grotesque, which Bakhtin himself indicates indirectly, not explicitly. The author also shows that Bakhtin sees literature, the subject matter of his research, as a purpose, as a special part of culture that reflects the ultimate embodiment of the human principle, and not an example in his theoretical constructions. Bakhtin's attitude to Dostoevsky is primarily reflected in his book about Dostoevsky in two editions. However, it would be wrong to reduce this attitude only to this book. In a broad sense, all of Bakhtin's philosophical works can be reduced to a certain hermeneutics of Dostoevsky due to the presence of a close and organic connection between concepts and ideas in Bakhtin's works, as well as the fact that Dostoevsky for Bakhtin is a key figure in his philosophical legacy. However, in the present article, based on a late interview, the author of the article reconstructs Bakhtin's thoughts about Dostoevsky that outline, among other things, an important topic in the field of Bakhtin's hermeneutics – the role of Dostoevsky's reader.

Keywords: Mikhail Bakhtin, Fyodor Dostoevsky, Russian philosophy, dialogue, carnival, grotesque

For citation: Makovtsev, V.S. (2022) Fyodor Dostoevsky in the late works of Mikhail Bakhtin. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 44–49. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/5

1960-е гг. в Советском Союзе – время новых горизонтов, ожиданий, новых имен в литературе, искусстве, кино. Это время реабилитаций, возвращений из архипелагов «мертвых домов», казалось бы, уже смирившихся с участью кануть в небытие. В это время начала оттепели группа московских филологов в лице Сергея Бочарова, Георгия Гачева и Вадима Кожинова, работавших в отделе теоретических проблем Института мировой литературы, и Владимира Турбина, преподававшего на филологическом факультете МГУ, познакомились с книгой «Проблемы творчества Достоевского» М.М. Бахтина, изданной еще в 1929 г. Книга произвела сильное впечатление и желание найти ее автора, в то время являвшегося провинциальным преподавателем на кафедре литературы. Молодые филологи фактически достали Бахтина, по утверждению С.Г. Бочарова, «из полной безвестности и почти что из литературного и научного небытия» [1. С. 6] и спустя несколько лет приняли активное участие в переиздании книги о Достоевском, а в дальнейшем – и о переезде Бахтина в Москву. Стоит отметить, что само изучение и обращение к Достоевскому до 1960-х гг. если и не было негласно запрещено, то не имело широкой популярности в кругу официальной культуры. Можно согласиться с Ю.В. Пушаевым, что «несмотря на ограничения, речь о полном запрете или неиздании произведений Достоевского никогда не шла, в том числе и в сталинские годы» [2. С. 102], тем не менее, влияние его и распространенность до 1960-х были явно слабее. В связи с этим будет не очень скромно сказать, что возвращение Бахтина в большое интеллектуальное пространство совпало и с нарастанием интереса к Достоевскому. Вопрос, что из этого причина, а что следствие, по нашему мнению, является открытым.

Творчество Бахтина, конечно, не было запрещено, однако он находился в убежденной невозможности издать свои работы. В разговорах с В.Д. Дувакиным, Бахтин признавался, что издавать повторно книгу о Достоевском он «не собирался и не думал его публиковать» [3. С. 218], считая, что это невозможно, равно как публиковать книгу о Рабле. Но при активном участии указанных выше филологов, и прежде всего В. Кожинова, 18 июня 1962 г. между М.М. Бахтиным и издательством «Советский писатель» был заключен договор на издание «Проблемы поэтики Достоевского» [4], и с этого момента Бахтин вновь вошел в «большое время», связав свое имя с именем Достоевского. И не как литературовед, но философ, предметом мышления которого является литература, поскольку, как отмечают многие исследователи, «удовлетворительное целостное художественных текстов и авторов никогда не было главной задачей Бахтина» [5. С. 6]. Литература была для него предметом мышления, философского мышления по преимуществу,

при этом не подменяя философию литературой, не прячась за ней, боясь выразить напрямую философские взгляды. Бахтин – это философ литературы, и книга о Достоевском является тому ярким свидетельством. Но еще точнее – отношение Бахтина к Достоевскому, не ограничивающееся только упомянутой книгой.

Второе издание книги о Достоевском – это не все, что было сказано Бахтиным о Достоевском в поздний период творчества. Отметим также, что книга о Достоевском в двух редакциях – это только внешнее выражение идеи Бахтина о Достоевском. Разбивая же содержание книги на ключевые идеи, мы сталкиваемся с тем обстоятельством, что отголоски этих идей мы обнаруживаем во всем творчестве Бахтина. В этом одно из существенных своеобразий философского творчества Бахтина: в нем нет линейности и строгой последовательности идей, его мысль постоянно вращается вокруг одних и тех же проблем, идеи наслаиваются друг на друга, образуя своеобразный интеллектуальный полифонический рисунок. Прежде всего, через творчество Достоевского Бахтин разворачивает философию диалога, осмысляя последнее в качестве конституирующего начала бытия человека, личности. Однако только диалогом влияние Достоевского на философскую мысль Бахтина не ограничивается.

Так, скажем, творчество Достоевского рассматривается и в контексте истории жанров – одной из ключевых тем Бахтина. Заявляя, что творчество Бахтина философское по преимуществу, мы должны были бы обозначить связь, раскрывающую философское содержание жанра. Однако об этой связи Бахтин говорит прямо: «Теория жанров, как наука историко-систематизирующая, должна опираться на философию поэтических родов и жанров. Но такой философии, которая удовлетворяла бы требованиям марксизма-ленинизма и современному состоянию литературной науки, всему накопленному ею богатству исторического материала, у нас, к сожалению, нет. Гегелевская философия жанров удовлетворить нас не может, не только по причине ее идеализма, но и вследствие ограниченности и устарелости того исторического материала, на который она опиралась. В настоящее время в нашем изучении природы жанров мы лишены разработанной и солидной философской опоры» [6. С. 608]. При этом, говоря о романе как о жанре, М.М. Бахтин подчеркивает его принципиальную незавершенность: «...роман – единственный становящийся и еще не готовый жанр» [6. С. 608]. Незавершенность же, понимаемая онтологически, это характеристика и творчества Достоевского: «Достоевский не признавал никакого завершения. Если некоторые его романы (например, “Преступление и наказание”) как будто бы завершены, то это попросту формальное литературное завершение.

А вот “Братья Карамазовы” не завершены никак, все здесь остается открытым, все проблемы остаются проблемами, и никакого намека на определенное решение нет» [7. С. 458]. Бахтин смотрит на Достоевского в контексте развития романного жанра, при этом, поясняя специфику последнего, он говорит о его несформированности, и творчество Достоевского в этом контексте является вершиной, характеризующей романский жанр. Мир Достоевского динамичен, полифоничен, фигурируют даже не герои, но идеи, переплетающиеся между собой, рисующие свой неповторимый художественный рисунок. Достоевский не дает ответы на вопросы, но ставит героя, а равно и читателя в ситуацию поиска ответа, т.е. событие его художественной прозы – это событие вопрошания, и в рамках такого романа дать ответ со стороны автора не представляется возможным.

Говоря же о Достоевском в этом периоде в творчестве Бахтина, прежде всего речь идет о втором издании книги с дополнениями и изменениями, которые ни столько меняют все содержание текста, сколько более его проясняют, углубляют, давая более четкое понимание ключевых идей текста. Однако Н.К. Бонеецкая, сопоставляя два издания книги, полагает, что в двух книгах «присутствуют две принципиально различные концепции диалога» [8. С. 523]. Диалог, конечно, – одна из ключевых тем Бахтина, однако нужно понимать, что идей Бахтина не существуют изолированно, но, находясь в движении, образуют внутреннюю полифоничность творчества Бахтина. Говоря о двух разных концепциях диалога, Бонеецкая фактически говорит о некоторой линейности концепции Бахтина. Она дает нам понять, что во втором издании понятие диалога разворачивается через слияние с понятием карнавала, которое Бахтин разработал после завершения первого издания книги о Достоевском. Станным образом Бонеецкая противопоставляет карнавал диалогу как антиподы, она отмечает, говоря о их слиянии во втором издании книги, у Бахтина появляется вариант «карнавализованного диалога».

Тем не менее это нельзя назвать слиянием или гибридизацией идей, как ставит этот вопрос Бонеецкая. Нам же важно указать наличие здесь органичного развития идеи Бахтина, в центре которой не концепт, но принцип, – принципиальная незавершенность, прослеживающаяся не протяжении всего творчества, или то, что мы можем условно обозначить «полифонической герменевтикой» Бахтина, поскольку ни одна из идей раннего творчества не отрицается в позднем, и напротив, ни одна из идей позднего творчества не противоречит и не преодолевает идеи раннего Бахтина.

Книга о Рабле содержит в себе не только концепцию карнавала, но и особое понимание гротеска, с осмысления чего и начинаются размышления Бахтина о Рабле и через последнего – о мировой культуре в целом. «Гротескный образ, – по мысли Бахтина, – характеризует явление в состоянии его изменения, незавершенной еще метаморфозы, в стадии смерти и рождения, роста и становления. Отношение ко времени, к смене, к становлению – необходимая конститу-

тивная черта всякого подлинного гротескного образа. Другая, связанная с этим, необходимая черта его – амбивалентность: в нем в той или иной форме даны (или намечены) оба полюса изменения – и старое и новое, и умирающее, и рождающееся, и начало и конец метаморфозы. Лежащее в основе этих форм отношение к времени, ощущение и осознание его на протяжении процесса развития этих форм, длившегося тысячелетия, конечно, существенно эволюционирует, изменяется» [9. С. 31].

Применимо ли такое понимание гротеска к понятию диалога и к творчеству Достоевского? Исходя из понимания Бахтиным Достоевского – вне всякого сомнения. Но что такое гротеск, если не понимать его в рамках узкого литературоведения? Введя понимание гротеска в онтологию, мы оказываемся в состоянии вечно динамичного бытия, при котором любая завершенность, нацеленность на «последнюю правду», на монолог оказываются невозможными. Не случайно в качестве эпиграфа к работе о Рабле 1940 г. Бахтин взял один из известных фрагментов Гераклита. Фрагмент взят Бахтиным без перевода и каких бы то ни было в дальнейшем пояснений – αἰὼν παῖς ἐστὶ παῖς ὢν, πᾶσιν ἑαυτὸν παῖδός ἢ βασιλῆϊ (век – дитя играющее, кости бросающее, дитя на престоле!) [досл. «Эон – ребенок, играющий в песенку, ребенку принадлежит царская власть»] [10. С. 242]). Один из известнейших фрагментов Гераклита имеет различное толкование: «...одни видели здесь мысль о переменчивости человеческой судьбы, другие – космогоническую игру бога-творца (“гераклитовского Зевса”), наконец, третьи пытались прочесть “зашифрованные” в метафоре фрагмента числовые значения для космического и жизненного циклов» [11. С. 312].

В контексте исследования Бахтина о Рабле, являющейся одной из ключевых работ Бахтина, отражающей его философию культуры, мы можем предположить в этом корень понимания Бахтиным развития мировой культуры в ее целом, отсутствие в ней рациональных элементов и подчиненность воли игре случая. Кроме того, ссылка на Гераклита, на первого мыслителя, уловившего вечную динамику мира, неспособного быть схваченным и зафиксированным в конкретных понятиях, лишний раз убеждает нас в верности мысли, что внутреннее единство философии Бахтина – это его принципиальная внутренняя незавершенность и ориентированность на вечную динамику идеи, мысли. Говоря о принципиальной незавершенности мысли, мы, конечно, имеем не логическую завершенность, внутренней присущей целостности мысли, но онтологическую. Кроме того, несмотря на наличие временной дистанции, отделяющей книгу о Достоевском от книги о Рабле, в творчестве самого Бахтина обе концепции складывались почти одновременно, что в свою очередь проблематизирует дифференциацию периодизации творчества Бахтина на концептуальном уровне.

Важно отметить, что Бонеецкая указала нам верное направление в понимании концептуального единства позднего творчества Бахтина, и именно книга о Достоевском с содержащимся в ней карнавальным нача-

лом, являющимся следствием гротескного реализма, является вершиной творчества Бахтина, отражающей все ключевые идеи Бахтина в их органическом единстве. Ключевое понятие, применимое ко всему творческому наследию Бахтина, к его ключевым концептам и идеям, это внутренняя незавершенность, – не логическая, как если бы речь шла о неоконченности, но едва ли не в том, которое мыслилось Гераклитом по отношению к бытию. Конечно, онтология Бахтина – это результат реконструкции, однако реконструкции не произвольной, но основанной на содержании наследия Бахтина и интуициях исследовавших его творчество. Бахтин мыслил себя философом. Однако, как отмечает Ли Хонг, один из современных исследователей, Бахтина «обычно изучают и анализируют исключительно в литературоведческом смысле» [12. С. 40], что, на наш взгляд, сильно обедняет и сужает общее понимание Бахтина как интеллектуального феномена, обращение к которому не только не потеряло актуальности, но продолжает вызывать к себе интерес. При этом, если учесть содержание статьи Ли Хонг, создается впечатление, что на Западе Бахтина только начинают открывать как философа, новаторство которого, по мысли автора, «в применении сложившихся философских идей к литературному анализу» [12. С. 41]. На наш взгляд, это несколько неверно, поскольку, как отмечено выше, литература для Бахтина – не предмет научного исследования, но пространство, вокруг которого разворачивается философская мысль о культуре, истории, человеке. Подобно тому, как у В. Дильтея «занятия литературой слишком явно обнаруживают гораздо более широкую, историко-культурную постановку вопросов» [13. С. 497], так и у Бахтина мы наблюдаем невозможность удержаться в сфере только литературоведческого анализа, но с постоянным выходом в сторону культурологии, философской антропологии, онтологии. Другое дело, что без прояснения общих философских интенций Бахтина понять его как целое не представляется возможным. Обратившись к позднему творчеству Бахтина, мы попытались показать его внутреннее онтологическое единство, разворачивающееся на материале творчества Достоевского. Конечно, Достоевский для Бахтина – это не пример, позволяющий ему показать и обосновать теоретические литературоведческие идеи, но сама цель, равно как цель и сама литература. Последняя мыслится поздним Бахтиным как «неотрывная часть целостности культуры, ее нельзя изучать вне целостного контекста культуры. Ее нельзя отрывать от остальной культуры и непосредственно (через голову культуры) соотносить с социально-экономическими и иными факторами. Эти факторы воздействуют на культуру в ее целом и только через нее и вместе с нею на литературу. Литературный процесс есть неотторжимая часть культурного процесса» [14. С. 399]. Понимаемая таким образом литература позволяет нам утверждать ее определенный онтологический статус, отражающий содержание одной из «главных интуиций в связи с Достоевским», а именно «для показа человека как такового, “вечного человека”, “человека в человеке”, лишенных своих “соци-

альных” и “культурных” оболочек» [8. С. 523–524], т.е. человека, поглощенным онтологией гротеска.

В архиве М.М. Бахтина, хранящемся в отделе рукописей РГБ, содержится множество материалов, касающихся работы Бахтина над вторым изданием, и большая часть из которых еще не опубликована, поэтому в строгом смысле в исследовательской литературе о Бахтине, в частности в его связи с Достоевским, еще рано ставить точку. Мы же ставим для себя задачу показать философское составляющее в этом отношении, и, поскольку речь идет о позднем творчестве Бахтина, фактически в этом усматриваем корень позднего периода творчества М.М. Бахтина. Понятие «позднего Бахтина» не имеет четкого осмысления в бахтиноведении, и едва ли кто-то сможет концептуализировать его таким образом, что оно могло бы отражать не только временной отрезок жизни и творчества философа, но качественно содержание по отношению к ключевым идеям Бахтина. Проблема усугубляется тем, что до сих пор нет единого понимания философского значения творчества Бахтина. Имеющиеся «позиции оказываются с ярко выраженным акцентом на тот или иной аспект философии Бахтина, что придает исследованиям их уникальность, но ставит под сомнение объективное достоинство самой философии Бахтина. Они не исчерпывают всех возможных представлений о философии Бахтина даже в отечественной литературе о Бахтине, однако наиболее ярко отражают образы философии Бахтина в отечественном интеллектуальном пространстве, а возможные иные точки зрения в той или иной степени будут скорее вариациями на заданную тему» [15. С. 160]. Создается впечатление, что этого единства понимания не может состояться в силу диалогической специфики философского творчества самого Бахтина, принципиально предполагающей разноголосие, полифоничное толкование.

Среди позднего наследия М.М. Бахтина, говоря о Достоевском, мы находим небольшое интервью польского журналиста Збигнева Подгужеца, взятое им у Бахтина в начале 1971 г. Текст интервью опубликован под названием «О полифоничности романов Достоевского». К слову сказать, журналист к тому времени уже провел интервью с Эрнстом Неизвестным о его иллюстрациях к «Преступлению и наказанию» и с Андреем Тарковским о фильмовых инсценировках произведений Достоевского, о чем сообщает Бахтину в своем письме [16]. Интервью состоит из 11 вопросов, заранее подготовленных журналистом. Отвечая на них, Бахтин фактически подытоживает свою мысль о Достоевском, которая в философском отношении является отражением всего творчества знаменитого русского философа. В этом интервью в сжатой форме, минуя теоретические построения, притязающие на академическую точность, Бахтин фиксирует и подытоживает свою мысль о Достоевском. Так, говоря об основной мысли Достоевского, о последних и предельных истинах, содержащихся в творчестве великого писателя, Бахтин подчеркивает невозможность постановки окончательного ответа. Сама логика диалога, которому оставался верен Бахтин, предполагает

невозможность поставить последнюю точку в решении вопросов. По Бахтину, в Достоевском воплощена мысль, что конец диалога равносителен гибели самого человечества. Что же касается ключевой мысли Достоевского, то и здесь Бахтин подчеркивает, что как таковой ее нет, – и все дело в их множестве, воплощенном в разных личностях. Но он может сказать в двух словах об основной мысли книги о Достоевском – это полифоничность Достоевского. Достоевский – это вершина, достигнутая в области понимания человеческой мысли. Бахтин убежден, что у Достоевского будущее впереди, по-настоящему он не вошел в жизнь людей, – сказано это было 50 лет назад, что, вероятно, вынуждает внимательно отнестись и в наше время к тому положению, которое занимает Достоевский в современном мире. В широких массах Достоевского мало знают, – подчеркивает Бахтин, отвечая на вопрос о необходимости экранизации его произведений, Бахтин говорит, что это может способствовать его популяризации. При этом Бахтин попадает в ловушку общих мест, говоря, что передать сущность его произведений невозможно. Но важно другое – убежденность Бахтина, что время Достоевского еще впереди.

Ключевая проблема невозможности понять Достоевского, с точки зрения Бахтина, заключается в догматичном подходе к его изучению, в том, что пытаются видеть в его работах не постановку вопросов, но их окончательное решение, – это очень удобно, но избавляет читателя от усилия брать на себя ответственность перед истиной. Вероятно, Бахтин говорит о том читателе Достоевского, который, входя в пространство диалогической паутины, становится не столько читателем или соавтором текста, но одним из героев его произведений. Это предположение становится вполне ясным, если мы учитываем специфику героя в творчестве Достоевского. Герой – «особая точка зрения на мир и на себя самого, как смысловая и оценивающая позиция человека по отношению к себе самому и по отношению к окружающей действительности. Достоевскому важно не то, чем его герой

является в мире, а прежде всего то, чем является для героя мир и чем является он сам для себя самого» [17. С. 56]. Герой, и равно как в нашем тезисе читатель, возможен там, где возможно конституирование мира и равно самого себя. К этому выводу Бахтин явным образом не приходит, он не формулирует это в качестве кредо читателя Достоевского, однако к этому приходит логика самого текста Бахтина. Читателю явным образом нет места в философии литературы Бахтина, но это явность – лишь кажущаяся, и, в конечном счете, сам Бахтин оказывается таковым читателем, репрезентирующим собой отношение читателя к тексту.

Кажется, чтение Достоевского менее всего вызывает чувство эмпатии, что фактически означало бы не просто отождествление, но слияние двух сознаний в одно, сознания читателя и героя. Мы не находим себя ни в образе Раскольникова, ни в образе Порфирия Петровича, ни в образе Свидригайлова и Лужина... Для Бахтина это невозможно. Но возможно понимание, разворачивающееся между двух сознаний как пространство, заполненное смыслом, имеющим своим истоком индивидуальное присутствие одного сознания в сознании с другим. Догматизм же, который препятствует пониманию Достоевского, препятствует пониманию вообще, – пониманию себя, другого, мира, событий и явлений в нем. Понимание возможно, когда проделано усилие над самим собой, а уж каков предмет этого понимания – творчество Достоевского или зимний пейзаж за окном, – не столь принципиально. В этом смысле, разворачивая диалог полифонического пространства и говоря о месте и роли Достоевского, Бахтин фактически подходит вплотную к ключевой проблеме философской антропологии и герменевтики, – проблеме понимания. В этом одна из ключевых существенных идей позднего Бахтина, – понимание как событие, оставляющее нас перед пространством развернувшейся вечности, вглядываясь в которую, мы всегда оказываемся перед риском услышать в зове этой вечности большее, чем она способна нам сказать.

Список источников

1. Бочаров С.Г. Событие бытия // Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным / Вступ. ст. С.Г. Бочарова и В.В. Радзишевского; закл. ст. В.В. Кожина. М.: Прогресс, 1996.
2. Пушав Ю.В. Советский Достоевский: Достоевский в советской культуре, идеологии и философии // Философский журнал – Philosophy Journal. 2020. Т. 13, № 4. С. 102–118.
3. Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным / вступ. ст. С.Г. Бочарова и В.В. Радзишевского; закл. ст. В.В. Кожина. М.: Прогресс, 1996.
4. Бахтин М.М. Издательский договор с Государственным издательством художественной литературы об издании книги «Франсуа Рабле». 1963 г. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 913. К. 4. Ед. 7.
5. Emerson C. The First Hundred Years of Mikhail Bakhtin. Princeton. Princeton University Press. 1997. 293 p.
6. Бахтин М.М. Роман как литературный жанр // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 3. М.: Языки славянской культуры, 2012.
7. Бахтин М.М. О полифоничности романов Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянских культур.
8. Бонеева Н.К. К сопоставлению двух редакций книги М. Бахтина о Достоевском // Бонеева Н.К. Бахтин глазами метафизика. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
9. Бахтин М.М. Франсуа Рабле в истории реализма (1940) // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 4 (1). М.: Языки славянских культур, 2008.
10. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М.: Наука, 1989.
11. Лебедев А.В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова. СПб.: Наука, 2014.
12. Li H. Bakhtin's Evolving Relationship with 19th Century Russian and Christian Philosophies on Unity and Individualism // Философский полилог. 2020. Вып. 2 (8). С. 40–47.
13. Михайлов А.В. Вильгельм Дильтей как литературовед и эстетик // Дильтей В. Собрание сочинений в 6 т. / под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. Т. 4: Герменевтика и теория литературы; пер. с нем. под ред. В.В. Библихина и Н.С. Плотникова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.

14. Бахтин М.М. Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М., 2002. Русские словари. Языки славянских культур.
15. Маковцев В.С. К вопросу о целостном образе философии Михаила Бахтина в отечественном бахтиноведении. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: философия. 2021. № 2 (40). С. 155–161.
16. Подгужец З. Письмо к Бахтину М.М. 11 декабря 1970. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 913. Ед. 12, К. 24.
17. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М., 2002. Русские словари. Языки славянских культур.

References

1. Bocharov, S.G. (1996) Sobytiye bytiya [The event of being]. In: Kolyshkina, N.I. (ed.) *Besedy V.D. Duvakina s M.M. Bakhtinym* [Conversations of V.D. Duvakin with M.M. Bakhtin]. Moscow: Progress.
2. Pushchaev, Yu.V. (2020) Sovetskiy Dostoevskiy: Dostoevskiy v sovetskoy kul'ture, ideologii i filosofii [The Soviet Dostoevsky: Dostoevsky in Soviet Culture, Ideology and Philosophy]. *Filosofskiy zhurnal – Philosophy Journal*. 13 (4). pp. 102–118.
3. Kolyshkina, N.I. (ed.) (1996) *Besedy V.D. Duvakina s M.M. Bakhtinym* [Conversations of V.D. Duvakin with M.M. Bakhtin]. Moscow: Progress.
4. Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 913. Box 4. Item 7. Bakhtin, M.M. (1963) *Izdatel'skiy dogovor s Gosudarstvennym izdatel'stvom khudozhestvennoy literatury ob izdanii knigi "Fransua Rable"*. 1963 g. [Publishing contract with the State Publishing House of Fiction on the publication of the book Francois Rabelais].
5. Emerson, C. (1997) *The First Hundred Years of Mikhail Bakhtin*. Princeton. Princeton University Press.
6. Bakhtin, M.M. (2012) Roman kak literaturnyy zhanr [Novel as a literary genre]. In: Bakhtin, M.M. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 3. Moscow: Yazyki slavyanskiy kul'tur.
7. Bakhtin, M.M. (2002) O polifonichnosti romanov Dostoevskogo [On the polyphony of Dostoevsky's novels]. In: Bakhtin, M.M. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 6. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskikh kul'tur.
8. Bonetskaya, N.K. (2016) K sopostavleniyu dvukh redaktsiy knigi M. Bakhtina o Dostoevskom [Comparison of two editions of M. Bakhtin's book on Dostoevsky]. In: Bonetskaya, N.K. *Bakhtin glazami metafizika* [Bakhtin through the eyes of a metaphysician]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
9. Bakhtin, M.M. (2008) Fransua Rable v istorii realizma (1940) [Francois Rabelais in the history of realism (1940)]. In: Bakhtin, M.M. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 4 (1). Moscow: Yazyki slavyanskiy kul'tur.
10. Lebedev, A.V. (1989) *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov* [Excerpts from early Greek philosophers]. Pt. 1. Moscow: Nauka.
11. Lebedev, A.V. (2014) *Logos Geraklita. Rekonstruktsiya mysli i slova* [The Logos of Heraclitus. Reconstruction of thought and word]. St. Petersburg: Nauka.
12. Li, H. (2020) Bakhtin's Evolving Relationship with 19th Century Russian and Christian Philosophies on Unity and Individualism. *Filosofskiy polilog*. 2 (8). pp. 40–47.
13. Mikhaylov, A.V. (2001) Vil'gel'm Dil'tey kak literaturoved i estetik [Wilhelm Dilthey as a literary critic and aesthetician]. In: Dilthey, W. *Sobranie sochineniy v 6 t.* [Collected works in 6 volumes]. Vol. 4. Translated from German. Moscow: Dom intellektual'noy knigi.
14. Bakhtin, M.M. (2002) Rabochie zapisi 60-kh – nachala 70-kh godov [Working notes of the 60s – early 70s]. In: Bakhtin, M.M. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 6. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskikh kul'tur.
15. Makovtsev, V.S. (2021) K voprosu o tselostnom obraze filosofii Mikhaila Bakhtina v otechestvennom bakhtinovedenii. [On the integral image of Mikhail Bakhtin's philosophy in Russian Bakhtin studies]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: filosofiya*. 2 (40). pp. 155–161.
16. Podguzhets, Z. (1970) Pis'mo k Bakhtinu M.M. 11 dekabrya 1970. [Letter to Mikhail Bakhtin. December 11, 1970]. Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 913. Box 24. Item 12.
17. Bakhtin, M.M. (2002) Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's Poetics]. In: Bakhtin, M.M. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 6. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskikh kul'tur.

Информация об авторе:

Маковцев В.С. – ассистент кафедры гуманитарных наук Института социальных наук Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова Минздрава России (Москва, Россия); преподаватель кафедры философии Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н.И. Пирогова (Москва, Россия); аспирант кафедры истории русской философии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: vl.makovtsev@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.S. Makovtsev, assistant, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); lecturer, Pirogov Russian National Research Medical University (Moscow, Russian Federation); postgraduate student, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: vl.makovtsev@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.01.2022;
одобрена после рецензирования 17.04.2022; принята к публикации 20.05.2022.

The article was submitted 24.01.2022;
approved after reviewing 17.04.2022; accepted for publication 20.05.2022.